

УДК 316.7

EDN RAPAPI

Ярушина Ксения Андреевна,
независимый исследователь
г. Москва
z1_ks@mail.ru
SPIN-код: 7357-1597

«ХОРОШАЯ ЖЕНА – ТРУДОВИК»: ИССЛЕДОВАНИЕ СОВРЕМЕННОЙ ПАТРИАРХАЛЬНОЙ ГОРОДСКОЙ СЕМЬИ

В статье представлено детальное описание патриархальной модели современных отношений, обнаруженной в ходе исследования брачных практик жителей крупного индустриального города. Исследование проводилось в 2018–2020 годах посредством полуструктурированного интервью и кейс-стади. Представленный в статье кейс иллюстрирует одну из возможных вариаций патриархальной молодой семьи. Повествование в статье строится на основе нарратива – материалы интервью реконструируют отношения партнеров, а также демонстрируют механику распределения гендерных ролей. Мужчина занимает ведущую роль в отношениях, он представляется финансово обеспеченным, рациональным и заботливым. Он старше женщины, а также обладает более высокими статусными характеристиками. Женщина склонна к творчеству и эмоциональности, она может быть инициативной и предприимчивой, но не склонной к доминированию в отношениях. Женщина провоцирует родительские чувства и демонстрирует готовность находиться в финансовой зависимости от мужчины. В ходе анализа выявлено влияние родственников мужчины на развитие отношений. Они оказывали эмоциональное давление на мужчину из-за отсутствия брачных отношений, способствовали сближению пары и участвовали в планировании свадьбы. Анализ нарратива подтверждает гипотезу работы: патриархальные отношения могут существовать в современном обществе при наличии у партнеров схожих культурных установок и представлений о гендерных ролях.

Ключевые слова: современная семья, патриархальность, городская культура, интервью, брачная стратегия, гендерные роли.

Ссылка для цитирования: Ярушина К.А. «Хорошая жена – трудовик»: исследование современной патриархальной городской семьи // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. – 2024. – № 2(9). – С. 48–56. EDN RAPAPI

Ksenia A. Yarushina,
independent researcher
Moscow
zl_ks@mail.ru
SPIN-код: 7357-1597

“GOOD WIFE IS A HANDICRAFTS TEACHER”: RESEARCH OF THE MODERN URBAN PATRIARCHAL FAMILY

The article presents a detailed description of the patriarchal model of modern relations. It was discovered during a research of the marriage practices people from large industrial city. The research was carried out for 2018 – 2020 with semi-formal interviews and case studies. The case presented in the article illustrates one of the possible variations of a patriarchal young family. The article is based on a narrative of the materials interview. It reconstructs the relationships of partners and demonstrate the mechanics of the gender roles distribution. A man takes a leading role in a relationship, he is financially secure, rational and caring. He is older then a woman and also, he has higher status characteristics. The woman is emotional and engaged in creative work. She can be proactive and enterprising, but she doesn't dominate the relationship. The woman provokes parental feelings and demonstrates a willingness to be financially dependent on the man. The analysis of the interview materials revealed the influence of the man's relatives on the relationship's development. They put emotional pressure on the man because he didn't have marital relations. Also, they helped the couple to start a relationship and take part in wedding planning. The analysis of the narrative confirms the work's hypothesis: patriarchal relationships can be found in modern society if the partners have similar cultural attitudes and perceptions of gender roles.

Keywords: modern family, patriarchy, urban culture, interview, marriage strategy, gender roles.

For citation: Yarushina K.A. [“Good wife is a handicrafts teacher”: research of the modern urban patriarchal family]. *Social'nye i gumanitarnye nauki: teoriya i praktika* [Social Sciences and Humanities: Theory and Practice], 2024, issue 2 (9), pp. 48–56 (In Russian), EDN RAPAPI

Статья продолжает исследование современного патриархального типа отношений, обнаруженного в брачных практиках молодых пермских семей [1]. Напомним, что патриархальная домашняя община является переходной ступенью от семьи, возникшей из группового брака и основанной на материнском праве, к индивидуальной семье современного мира [2]. Патриархальный тип семьи превалирует в традиционном обществе и характерен для сельских общин, где каждое домохозяйство состоит из многопоколенной семьи, проживающей под одной крышей. Такая семья основывается на патриархальном идеале: мужчина занимает главенствующее положение; обязанности разделяются по гендерному и возрастному принципам; члены семьи религиозны [3]. Для семьи также характерна преемственность между поколениями, которая отражается в выборе профессии, ведении домашней хозяйственной деятельности, культурных и традиционных установках, в образе жизни в целом [4, с. 266].

Отметим, что еще в исследовании С.И. Голода показано, что на территории бывшего Советского союза можно встретить модернизированный вариант традиционной семьи, который характеризуется сватовством в добрачных практиках, патрилинейностью, сосредоточением экономических ресурсов в руках мужа и его главенством в принятии решений [5, с. 110–112]. Перечисленные характеристики, на наш взгляд, представляют собой «рамку», схематично показывающую современную патриархальную семью. Но остается не до конца исследованным ряд аспектов этого понятия, обозначим их в качестве следующих вопросов.

Почему молодежь выбирает патриархальный тип отношений? Как он реализуется в условиях городской повседневности? Каковы социально-культурные основания современной патриархальной семьи?

Сформировав таким образом проблемное поле, обратимся к антропологическому анализу одного из возможных вариантов современной патриархальной семьи, обнаруженному в крупном индустриальном городе. В качестве методологической основы работы используем утверждение Т.Н. Каменевой: «семейно-брачные отношения, статусы и роли индивидов интерпретируются и конструируются в зависимости от их социальной и культурной идентификации, а семья создается как результат взаимной договоренности (конвенции) непосредственно между ее членами или акторами на брачном рынке» [6, с. 13]. Гипотезой работы будет являться предположение о том, что партнеры, находясь в добрачных отношениях, одновременно выбрали патриархальную модель семьи в качестве оптимально подходящей, т.е. отвечающей индивидуальным социокультурным представлениям о будущей гендерной роли супруга. Мы предполагаем, что патриархальный тип отношений выбирается партнерами, обладающими схожими культурными установками и представлениями о гендерных ролях друг друга.

Исследовательская основа работы

Основой статьи являются материалы полевого исследования брачных практик молодых семей. В качестве молодой семьи понимается семейная пара (возраст партнеров не превышает 30 лет), проживающая в зарегистрированном браке до 3 лет. Исследование проводилось в течение 2018–2020 гг. на территории г. Перми. Основным методом исследования был выбран метод полужормализованного интервью, позволяющий получить подробную неформальную информацию по предмету исследования. При этом важной особенностью интервью является понимание жизненного опыта информанта с точки зрения того, как он был пережит индивидом, т.е. это не прямое отражение объективных событий, а субъективное конструирование реальности жизни информанта в том виде, в котором он ее видит на момент интервью [7, с. 23].

Гайд интервью состоял из 3-х последовательных блоков вопросов, посвященных свадебному торжеству, подготовке к нему и отношениям пары. Подобная инверсия обусловлена стремлением исследователя расположить информанта к доверительной и открытой беседе, построенной по принципу «от простого к сложному». Свадебное торжество является ярким событием, о котором, как правило, легко и приятно рассказывать. Подготовка к свадебному торжеству выступает полем распределения сфер влияния информантов, где также выявляются зоны ответственности партнеров. Отношения пары представляют собой обсуждение ключевых практик, предшествующих подготовке к свадьбе: знакомство, ухаживание, начало совместной жизни и предложение «руки и сердца». Именно этот информационный блок, на наш взгляд, раскрывает генезис основных культурных норм, соответствующих модели отношений пары, а также механику распределения гендерных ролей. Об этом также пишет Я.В. Артамонова: «молодые супруги, связывая себя узами брака, находятся на начальном этапе формирования жизненного пути семьи, в рамках которого происходит стремление выработать совместные жизненные стратегии, создать свой уникальный жизненный мир» [8, с. 78].

В ходе интервьюирования была получена подробная информация о брачных практиках 13 молодых семей. Дополнительным исследовательским инструментом был выбран метод кейсов. Объектом кейс-стади стала повседневная жизнь людей со всеми бытовыми конфликтами, интеракциями, устоявшимися моделями поведения и связанными с ними мировоззренческими установками, при этом обращение к эмпирическому материалу позволяет генерализировать повседневный опыт людей и вписывать индивидуальное сознание в систему общественных ценностей [9, с. 197].

Несмотря на уникальность истории каждой молодой семьи, в их нарративах удалось обнаружить схожие практики и модели поведения. Поэтому использование тактики кейс-

стади дало возможность не только объяснить определенный процесс брачного выбора и реализации брачных практик, но и, основываясь на интенсивном и детальном анализе отдельных кейсов, сравнить их друг с другом [10].

По словам С.А. Белановского, «изучение массовых социальных явлений обычно состоит в выявлении и классификации релевантных высказываний по определенному кругу вопросов» [11, с. 73]. На основе полученных данных о брачных практиках молодых семей (а также их смысловом наполнении) была разработана типология брачных стратегий.

Статья фокусируется на анализе кейса № 9, который иллюстрирует один из возможных вариантов современной патриархальной семьи. Основные данные об информантах: мужчина (далее – А.) 1992 г.р., образование – высшее, профессия – технолог на химическом производстве; женщина (далее – Л.) 1996 г.р., образование – высшее, самозанятая; дата проведения свадьбы – 04.08.2018. Даты проведения интервью: Л. – 24.07.2019; А. – 19.09.2019. Далее повествование будет строиться в виде нарратива – реконструкции из высказываний информантов основных этапов отношений пары: знакомства, развития отношений, предложения «руки и сердца» и подготовки к свадьбе.

Знакомство и развитие отношений

Первая встреча информантов состоялась еще в детском возрасте. А. вспоминает: *«Ей было 4, мне было 8 или 9. Наши мамы – школьные подруги, мы на тот момент приезжали к ним в гости»*. Женщина раскрывает дополнительный аспект взаимоотношения родителей: *«Его мама – моя крестная. Мы виделись когда-то в глубоком детстве <...> у нас мамы вместе учились <...> Моя мама – его крестная»*. В детском и подростковом возрасте А. и Л. не общались друг с другом (за исключением моментов родительских встреч – *«в подростковом возрасте виделись, мы в гости приезжали»*), начало общения произошло при следующих обстоятельствах: *«Я ничего не знал о ее существовании, пока она не поступила в Пермь. Она начала учиться в Перми, периодически общалась с мамой, меня забрали в армию. Она пришла меня провожать»*. Отметим, что до встречи на проводах в армию герои встречались в доме семьи Л.: *«...мы виделись в 2016 году, у нас в гостях, они (имеется в виду А. и его мать – примечание автора) в гости приехали, а потом он ушел в армию»*. Таким образом, знакомство пары тяготеет к образцу традиционной культуры – оно было осуществлено благодаря дружескому общению родителей. Мы наблюдаем проверенную временем дружбу, одним из оснований которой является религиозный подтекст (крещение детей). Интересно и то, что мать вместе с сыном неоднократно посещала дом будущей невестки, а также поддерживала с ней отношения. *«Моя бабушка еще, когда Л. пришла провожать в армию, говорила: Л. – девушка А.? Мама говорит: нет, а что? Она такая: мне Л. очень понравилась, я хочу, чтобы они были вместе»* – поделился воспоминаниями А. Высказывание бабушки демонстрирует одобрение Л. как возможного члена семьи.

Общение информантов началось в социальных сетях. Л. вспоминает: *«Он ушел в армию, а я поехала в лагерь, там не очень хороший период жизни был, он меня поддерживал. Мы друг другу писали»*. Между тем А. называет Л. инициатором общения: *«Меня забрали в армию, где-то через полгода, чуть подольше, когда началась сессия, она начала мне периодически писать»*. Мы склонны полагать, что первичный интерес к общению все-таки исходил от женщины. Это объясняет ее присутствие на проводах в армию – практике прощания военнообязанного с членами референтной группы. Подчеркнем, что на тот момент информанты не общались друг с другом.

После возвращения А. из армии общение продолжилось:

«Он попросил меня документы забрать, ну я забрала их и сказала, что у него должок – он должен покатать меня по ночному городу <...> ну, встречались, общались, гуляли...»

Мужчина также лаконично, без романтизации описывает начало отношений: *«Я просил ее документы забрать, параллельно ходили гулять, как такового первого свидания не было, как-то так, само...»*.

Оба информанта приписывают мужчине инициативу в принятии решения о совместном проживании: «... Мне пришла эта идея. Она параллельно жила и в общежитии, и у меня <...> переехали, и точка, все». «Это было его решение <...>», – добавляет Л. Однако наряду с этим выявляются факторы, в том числе оказавшие влияние на данное решение: «У меня было холодно, я просто к нему приезжала переночевать. И потом мне было очень в общежитии холодно спать, а потом я у него и осталась». Таким образом, условия проживания в студенческом общежитии, а также предприимчивость женщины – «я у него и осталась» – в совокупности способствовали к переходу на новый этап отношений.

Предложение и решение о проведении свадебного торжества

«За 2 недели до 14 февраля я заказал столик в трамвай-кафе, заранее договорился, что спрячу букет у них. Съездил за ней, она не знала, куда я ее повезу <...> я ее возил окольными путями, чтобы она не догадалась <...> В итоге мы туда приехали, я заранее заказал, что нам нужно <...> в один момент я за барной стойкой достал букет и пришел к ней с букетом» – так А. описывает ситуацию предложения «руки и сердца». Мужчина стремится создать романтическую атмосферу, заранее организует вечер-сюрприз 14 февраля – согласно культурным стереотипам – «день всех влюбленных». Однако обратим внимание на использование словосочетаний: «съездил за ней», «ее повезу», «заранее заказал, что нам нужно». Они демонстрируют объективацию женщины, все активные действия приписываются мужчине, за ним даже закрепляется решение о выборе меню. Подобную риторику использует женщина для описания встречи: «Я сидела в общежитии, это был день влюбленных <...> Он сказал, чтобы я в общежитии его ждала в день предложения, жди в общежитии, я после работы заеду». Уточним, что к этому моменту Л. переехала в квартиру А., в студенческом общежитии она уже не проживала. Выражения «я сидела» и «он сказал, чтобы я ждала» подтверждают тезис о готовности женщины занимать пассивную сторону в отношениях.

Обсуждая концепцию будущего свадебного торжества, оба информанта подчеркивают эмоциональное давление родственников на мужчину:

«Идея большого праздника была изначально, потому что родственники очень давно жаждали свадьбы <...> не только мои родители, вообще все мои родственники ждали, потому что я среди всех моих братьев и сестер самый последний, кто остался»;

«Мне кажется, у него долг перед родственниками, что единственный сын, который может продолжить род <...> ему уже 27 исполнилось, давно все ждали, когда свадьба».

Свадебное торжество позволило мужчине публично предъявить новый социальный статус, наличие которого является важным для его родственников. Мы предполагаем, что тема вступления в брак была болезненной, поскольку А. воспринимал себя «отстающим» на фоне братьев и сестер, которые создали собственные семьи. Возможно, поэтому он рефлексирует о сделанном предложении следующим образом: «Мысли стали приходить, понимаешь, что пора, надо <...> я просто понимал, что уже надо».

Подготовка к свадебному торжеству

Этап характеризуется ведущей «мужской» ролью, которая проявляется в решении различных организационных вопросов, возникающих в процессе подготовки свадебного торжества.

«Мое разграничение – финансирование всего этого, поиск ведущего, поиск ресторана, выстроить меню, выстроить последовательность, организацию <...> Изначально мы рассчитывали на бюджет свадьбы 300 тысяч, я расценивал ту сумму, которую смогу поднять, успею заработать».

Ведущая роль мужчины была подкреплена финансовым ресурсом, который, возможно, оказал влияние на его вовлеченность в различные процессы. Например, выбор банкетного меню («Мы сидим, обговариваем меню <...> и я думаю: салат, горячее, закусочка, что-то маловато <...> давай еще туда закажем канапешечки, мини- гамбургеры...») или выбор места покупки обручальных колец («Я была на учебе, А. ходил, смотрел, где будет выгоднее брать»).

Примечательно, что мужчина начал готовиться к свадьбе еще до получения согласия от будущей супруги. А. вспоминает, что он *«закупил на свадьбу водки заранее <...> еще за неделю или две того, как предложение сделал <...> мы понимали, что на свадьбу уйдет немаленькая сумма денег, ну я это понимал изначально, поэтому по мере возможности по финансам заранее покупал»*. Обратим внимание на использование местоимений: произнося «мы», информант подразумевает «я». Этот прием не только нивелирует разницу в ресурсах, используемых партнерами при подготовке к свадебному торжеству, но и демонстрирует культурный стереотип об едином мнении пары (в дальнейшем – совместно совершаемых действиях). Аналогичный прием наблюдается в высказывании женщины: *«Первое, что мы сделали, это купили водку, как раз после нового года мы купили»*.

Вклад женщины в подготовку свадебного торжества можно охарактеризовать фразой Л. – *«Я по женским штучкам»* (героиня занималась выбором торта, договаривалась с фотографом, делала браслеты для подружек невесты, выбирала подарки для гостей). А. дополняет зону ответственности супруги: *«За оформление отвечала только Л.: арка для выездной регистрации, приглашительные, оформление рассадки гостей <...> сама делала ростовые розы, задекорировала бокалы свадебные»*.

Мы наблюдаем у информантов четкое разделение на «мужские» и «женские» обязанности. «Мужские» обязанности связаны с решением финансовых вопросов, а также выбором ключевых элементов торжества (место проведения, банкетное меню, выбор ведущего). «Женские» обязанности совершенно иные, они связаны больше с созданием «атмосферы» торжества. Если перевести их в финансовый эквивалент, то окажется, что они менее затратные по сравнению с «мужскими».

При анализе материалов интервью были выявлены сюжеты, упущенные одним из партнеров. Так, женщина рассказала о деньгах, взятых в долг для проведения свадебного торжества: *«А. заранее уже копил, и потом мы брали еще 100 тысяч в долг <...> чтобы потом их вернуть, мы просили деньгами дарить»*. Ввиду сосредоточения капитала в руках мужчины высказывание подлежит дешифровке – замене «мы» на А. Мужчина не говорит об этом, поскольку факт одалживания денег нарушает конструируемый им образ финансово обеспеченного человека. Другой сюжет связан со свадебным костюмом мужчины – *«самой большой темой»* Л.

«Я не видела его костюма. Спрашиваю: ты костюм купил? Говорит – да. Мы фиксировали все, чтобы знать, сколько ушло. Он говорит: мы уже купили костюм с мамой <...> записал, что он якобы купил костюм <...> Мне этот костюм не понравился вообще <...> это был костюм с выпускного, он мне так настроение испортил <...> я этот костюм ему весь год вспоминала».

Сфокусируемся не столько на негативных женских отзывах, сколько на факте того, что мужчина преднамеренно утаил достоверную информацию о костюме. Это подчеркивает не только его владение финансовым ресурсом, но и готовность самостоятельно принимать решения о распределении финансов. Отметим, что для мужчины костюм скорее всего не является аттрактором, он не наделяется особыми смыслами по причине его утилитарности: *«Он у меня уже был <...> я до свадьбы одевал этот костюм один раз на выпускной»*.

Рассмотрим далее участие мужчины в покупке атрибутов невесты, а точнее – белья для тематической фотосессии.

«Она хотела “утро невесты” сделать, такое, в нижнем белье с полупрозрачным халатиком. Халатик я с ней не выбирал, потому что, ну не знаю <...> мы с ней ходили и покупали, непосредственно, нижнее белье <...> Было одно условие: снимки с фотосессии в халатике и прозрачном белье не окажутся в социальных сетях, либо будут, но не компрометирующие, т.е. где не будет видно нижнего белья».

Мы видим установление мужчиной правил касательно результатов фотосессии: снимки жены в нижнем белье предназначаются для частного просмотра, они не должны быть

размещены в публичном пространстве. Одновременно с этим запрет демонстрирует символическое право мужчины распоряжаться фотографиями (на самом же деле – телом супруги).

Родители будущих супругов внесли определенный вклад в организацию свадебного торжества. Они давали общие рекомендации («К большинству советов прислушивались, но не все исполняли <...> мама А. работает начальником или кем-то там по культуре и спорту, в этом что-то понимает»), инициировали проведение выкупа невесты («А. сначала не хотел, но у него мама сказала, что все через это проходят <...> родители такие: надо-надо»), заказали на свадебное торжество шоколадный фонтан («Мы его не заказывали. Это был подарок от моих родителей. Он работал 2–3 часа, трехуровневый фонтан»). Перечисленные действия были выполнены родителями мужчины, что демонстрирует не только их финансовые возможности, но и наличие символической власти, основанной на авторитете.

Характеристики А. и Л.

Дополнительным маркером, характеризующим патриархальную модель отношений, является социокультурное неравенство супругов:

1. Разница в возрасте: мужчина старше женщины («Он меня старше на 4 года»);
2. Разница в образовании («С учебой мне помогал: текст проверял, формулировал там по грамотному, к экзамену по электромеханике помогал готовиться <...> курсовую я писала, диплом писала, он мне помогал формулировать»);
3. Разница в социализации: женщина выросла в поселке железнодорожной станции («Фотографом была ее знакомая из той же деревни, что и Л.»), мужчина – в административном центре муниципального района Пермского края;
4. Разница во владении экономическими ресурсами: мужчина имеет личный автомобиль и свою жилищную площадь: «У меня на первой машине был номер 948, на второй машине – номер 384»;
5. Разница в профессиональной реализации: на момент интервью мужчина работал аппаратчиком на промышленном предприятии, женщина была сотрудницей фотосалона.

Как видим, мужчина занимает более статусное положение по отношению к женщине. При этом имеющиеся у него статусные позиции подкрепляются дополнительными факторами – привлекательными, значимыми для женщины чертами характера. Обратимся к высказываниям на эту тему:

«И вот гулять меня пригласили, ухаживают, спрашивают: как я себя чувствую. И готовы помочь и в учебе, и всегда».

«Он всегда поддерживает, он честный, исполнительный, доброжелательный <...> если он обещает, то делает».

«Он меня в нужное русло направляет <...> я говорю: сколько сделать цену на браслетики? Он говорит: покупаем за столько, а делаем столько-то минут, значит, цену можно в два раза поднять».

Л. описывает А. как участливого, заботливого и рационального, при этом перечисленные черты также конструируют образ родителя, готового прийти на помощь женщине «и в учебе, и всегда». Мы предполагаем, что Л. склонна провоцировать у А. родительские чувства. Их проявление может выражаться в одобрении и развитии определенных черт характера женщины: «Она бывает настойчива. Если она за что-то взялась, она хочет это доделать до конца. Хорошо, хвалю ее за это».

Л. свойственна инфантильность, которая раскрывается через ее отношение к личным финансам: «Я работаю только в свое удовольствие: сходить на маникюр, в кафе сходить. А если бы я стабильно зарабатывала тысячу 20, можно было бы на ремонт отложить, путешествия. На одну зарплату тяжело жить». Несмотря на то, что женщина имеет доход («отработала 4 часа, получила 450 рублей»), он воспринимается не как вклад в общий бюджет, а как средства для личного пользования. Подтверждение этого находим в комментарии Л.: «Пока я была не замужем, мама мне на еду переводила денежки. Я же раньше в общаге

жила, и пока я замуж не вышла, я эти деньги на платье свадебное откладывала, я не тратила на еду. Я же живу с А. как бы».

А. также считает, что зарабатываемые им средства являются основой семейного бюджета: *«Мне надо, чтобы было стабильное место работы, чтобы я знал, что могу прокормить семью»*. Подобная «расстановка сил» подчеркивает готовность женщины находиться в финансовой зависимости от мужчины. Данное положение интерпретируется ими в качестве желанного и значимого статуса – статуса, подчеркивающего в том числе и их женственность. В частности, Л., при сравнении отношений с бывшим мужчиной и супругом, отмечает следующее: *«В этих отношениях я чувствую себя девушкой, а в тех я сама на себе все тащила. Надо в больницу срочно сходить, деньги нужны, сама ищешь»*.

Перечисляя привлекательные черты характера Л., мужчина акцентирует внимание на ее творческих наклонностях и эмоциональности: *«Мы хотим сделать стол универсальный, чтобы она могла за ним шить, плести, рисовать <...> из-за того, что творческий человек, она очень эмоциональна»*. Одновременно с этим А. считает, что *«девушка должна быть хозяйственной, чтобы умела сделать котлетки, супчики. Не курящая и не пьющая»*. Это высказывание совпадает с самопрезентацией Л.: *«Я хорошая жена. Хорошая жена – трудовик: готовит, шьет, дома прибирается»*. Женщина подчеркивает готовность мужчины принимать участие в домашних делах: *«Мне нравится, что он мне помогает: я могу помыть посуду, он может пропылесосить, прибраться, приготовить поесть»*. Но выражение *«он мне помогает»* указывает на закрепление домашних обязанностей за женщиной. Таким образом, мы наблюдаем «классическое» распределение гендерных ролей между мужчиной и женщиной. Мужчине отводится инструментальная роль (ресурсное обеспечение семьи), а женщине – экспрессивная (реализация себя в качестве жены, домашней хозяйки, в будущем – матери) [12].

Выводы

Мы рассмотрели патриархальную модель отношений на примере кейса молодой семьи, проживающей в крупном индустриальном городе. Гипотеза подтвердилась: патриархальная модель отношений может реализовываться современными горожанами при условии наличия у них культурных установок о дихотомии «мужского» и «женского», а также сходных представлениях о поведенческих паттернах. Мужчина исполняет ведущую роль в паре, он обладает материальными ресурсами и более высокими статусными характеристиками. Его представляют как ответственного, надежного, рационального и заботливого. Женщина обладает более низкими социокультурными статусными позициями (социализация, образование, работа) и характеризуется в качестве эмоциональной и творческой натуры. Женская инициатива и предприимчивость представлена в отношениях, однако не является доминантной.

Помимо совпадающих представлений о гендерных ролях, партнеры мыслят в одном направлении (*«Ей нравилось во мне то, что наши цели в жизни совпадают – это дом, семья, не карьера. У нас взгляды на жизнь совпадают»*) и склонны к религиозности (*«Мы же крещеные оба, не все традиции соблюдаем, но в церковь ходим <...> мы еще обвенчаться хотели»*).

Для информантов семья является значимой культурной ценностью. Однако они вкладывают различные смыслы в это понятие. Для женщины семья – это институт, обеспечивающий финансовое благополучие. Благодаря браку женщина получает доступ к материальным ресурсам мужчины, в т.ч. к его квартире и машине. За право распоряжаться этими ресурсами женщина готова исполнять роль домашней хозяйки. Для мужчины семья – это институт, где он получает домашний уют. Неравноценный символический обмен является особенностью патриархальных отношений.

Специфической особенностью кейса является вклад родственников мужчины в развитие отношений. Они подталкивали информантов к началу отношений, а также вносили коррективы в планирование свадебного торжества.

Библиографический список

1. *Ярушина К.А.* Антропологическое исследование молодой пермской семьи // *Обсерватория культуры*. 2021. Т. 18, № 3. С. 300–309. DOI: <https://doi.org/10.25281/2072-3156-2021-18-3-300-309>.
2. *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства. М.: Политиздат, 1989. 222 с.
3. *Коростелова Ю.Е.* Патриархальный идеал как основа традиционной семьи // *Актуальные проблемы современной науки, техники и образования*. 2015. Т. 3, № 1. С. 31–33.
4. *Ковалева А.В.* Негативные факторы трансформации традиционной семьи в современную // *Ученые заметки ТОГУ*. 2015. Т. 6, № 1. С. 265–272.
5. *Голод С.И.* Семья и брак: историко-социологический анализ. СПб.: Петрополис, 1998. 270 с.
6. *Каменева Т.Н.* Трансформация семейно-брачных практик в российском обществе риска: автореф. дис. ... д-ра соц. наук: 22.00.04. Белгород, 2016. 22 с.
7. *Чеховский И.В.* Интервью как способ получения информации в качественной стратегии исследовательского поиска // *Вестник РУДН. Серия: Социология*. 2009. № 4. С. 20–25.
8. *Артамонова Я.В.* Структурные компоненты жизненного мира российской молодой семьи // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки*. 2022. № 4 (68). С. 78–83. DOI: https://doi.org/10.52452/18115942_2022_4_78.
9. *Тищенко Н.В.* Особенности применения метода кейс-стади в культурологических исследованиях // *Теория и практика общественного развития*. 2015. № 10. С. 197–199.
10. *Козина И.М., Сержкина Е.В.* Концепция кейс-стади в социальных науках и французская традиция монографических исследований трудовых организаций // *Социологические исследования*. 2015. № 1. С. 64–73.
11. *Белановский С.А.* Репрезентативность качественных опросов // *Интеракция. Интервью. Интерпретация*. 2023. Т. 15, № 1. С. 69–94. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2023.15.1.4>.
12. *Парсонс Т.* Американская семья: ее отношения с личностью и социальной структурой // *Южно-российский журнал социальных наук*. 2006. № 2. С. 95–103.